

Александр Рудазов

АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРЯЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ
БИТВА ПОЛЧИЩ
ЗАРЯ НАД БЕЗДНОЙ

ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА

ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ

ЭКИПАЖ

РАССКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА

ВЛАСТЕЛИН

ЗВЕРОЛОВ

АРИФМОМАН. ЧЕРВОТОЧИНА
АРИФМОМАН. В НЕБЕСАХ

ПРИЗРАК

Александр Рудазов

Призрак

Роман

Москва, 2017
 АРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КИНГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.

Р83 Призрак: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 378 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2558-7

Алексей Данилюк — самый обыкновенный человек с совершенно обыкновенной внешностью, работой и биографией. Точнее, он был самым обыкновенным человеком до определенного момента. Но в один прекрасный день с ним произошло нечто... в общем-то тоже совершенно обыкновенное.

Он просто умер. Это со всеми однажды происходит. Однако после смерти Данилюка ожидало... да то же самое, что ожидает всех остальных. Он покинул свое брненное тело и стал бестелесным духом. Рутинная повседневность.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2558-7

ГЛАВА 1

Алексей Данилюк не ожидал от этой среды ничего особенного. Он полагал, что та пройдет в точности как всегда. И вплоть до конца рабочего дня так и было. Но вечером, когда Данилюк уже ехал домой, с ним произошло довольно-таки неприятное происшествие.

Он умер.

Конечно, это не назовешь каким-то особенным событием. С каждым человеком случается хотя бы раз. Некоторые переживали это даже дважды... очень немногие, но бывает и такое.

И вот сегодня это случилось и с Данилюком. Внезапно, неожиданно, очень некстати и намного раньше, чем полагается по статистике. Данилюку было всего двадцать восемь лет.

Он ничем не болел и не принадлежал к группе повышенного риска. Просто несчастный случай на дороге. Данилюк проезжал перекресток Ново-Вокзальной и Карла Маркса, когда слева вылетел другой автомобиль. Его водитель отвлекся на телефонный звонок и промчался на красный свет. В последний момент он все-таки спохватился, ударил по тормозам... но уже слишком поздно.

Дверь со стороны водителя смяло в гармошку.

Данилюк не сразу понял, что вообще произошло. Вот он сидит за рулем и спокойно едет домой, а вот он уже... осознал себя он тоже не сразу. Сначала была очень резкая, но и очень короткая боль. Потом какая-то мешанина в голове, перед глазами... а потом... потом он почему-то стоит на дороге, рядом с разбитой машиной.

Он даже отметил мысленно, что машина удивительно похожа на его собственную...

Первые две-три минуты Данилюк все еще полагал себя живым. Очень сложно принять то, что теперь ты мертв. Данилюк растерянно вертел головой, пытаясь сообразить, когда успел

выйти из машины и что случилось с глазами. Мир вокруг странным образом обесцветился, стал тусклым и невыразительным. Все словно заволочло густым туманом, очертания людей поблекли, голоса куда-то отдалились.

Стоял Данилюк посреди оживленного перекрестка. Но прямо сейчас движение резко замерло. Машины проезжали бочком-бочком, зеваки все больше накапливались, а в центре кутерьмы пригорюнилась разбитая серая «Лада», выглядящая ужасно знакомо...

— Оу, — только и сумел выговорить Данилюк, наконец разглядевший то, что сидело на переднем сиденье.

Смотрел он на это еще минуты две. Далеко не каждый день видишь собственный труп, да еще в таком неприглядном виде.

Похоже, погиб Данилюк мгновенно.

Он поднял руки к глазам. Вопреки ожиданиям, те не были прозрачными или еще какими-то. Самые обычные человеческие руки, точно такие же, какими были всегда. Все тот же сломанный ноготь на правом безымянном пальце, все та же родинка на левом запястье...

Никаких изменений.

Рядом с машиной хлопотал какой-то мужик. Выглядел он потерянно, если не сказать убито. Наверное, это именно он совершил наезд. Теперь у него отберут права, оштрафуют, а то и посадят... но Данилюку с этого уже никакого прока.

Почему-то страха совсем не чувствовалось. Не чувствовалось и печали от того, что умер во цвете лет. Возможно, потому, что тело с его сердцем, нервами и железами осталось размазанным по ремню безопасности. Бестелесный дух оказался менее эмоциональным, чем была физическая оболочка.

Впрочем, Данилюк и при жизни был человеком флегматичным. Сейчас он почти равнодушно смотрел, как подъезжают ДПС и медики, как из разбитой машины выволакивают изуродованное тело... его, Данилюка, тело. Со стороны оно смотрелось как-то странно и чужеродно — словно кукла, восковая фигура.

Хотя крови из него выплеснулось порядочно. Данилюк и не думал, что в нем ее так много.

— Куда меня теперь, в морг? — обратился он к ближайшему полицейскому. — Родителям позвонить бы надо...

Сказал он это по инерции, машинально. И сразу же понял, что понапрасну открыл рот — полицейский не отреагировал. Да и все остальные как будто не замечали Данилюка... хотя по-

чему как будто? Они его действительно не замечали. Он же умер, все логично.

До сего момента Данилюк полагал, что призраков не существует. Но раз он ошибался, раз они таки существуют... нетрудно догадаться, что живые их не видят и не слышат.

Жаль, конечно, но ничего не попишешь.

Он еще попробовал привлечь чье-нибудь внимание. Обращался ко всем, кто был поблизости, старался коснуться — но его полностью игнорировали, а рука проходила насквозь. Выглядело это слегка жутковато, и Данилюк оставил попытки.

Еще некоторое время он наблюдал, как его труп осматривают, констатируют смерть, грузят и куда-то увозят. Хотел отправиться следом, но замешкался, не сообразил вовремя влезть в машину. В итоге «скорая» укатила с бранным телом Данилюка, а его бесплотный дух остался на месте аварии.

Просто торчать там явно не имело смысла, так что он побрел куда глаза глядят.

Честно говоря, Данилюк понятия не имел, что делать дальше. Его ведь даже никто не видел... хотя нет, кое-кто все-таки видел. Бродячий кот. Пробегая мимо, тот вдруг замер, повернул голову и очень внимательно посмотрел прямо на Данилюка.

— Кис-кис... — вяло бросил тот.

Кот презрительно фыркнул и бросился наутек. Кажется, ему не хотелось общаться с привидением.

Но, кроме него, Данилюка не замечал никто. Прохожие скользили мимо смутными тенями, автомобили бесшумно ехали где-то на грани видимости, здания превратились в плохо различимые силуэты, огромные темные массы.

Поначалу Данилюк не мог толком разобрать даже людских лиц. Казалось, что мир погрузился в вечный сумрак. Однако по мере того, как наступал вечер, видимость странным образом улучшалась. Мир становился четче, контрастнее.

Сложив два и два, Данилюк догадался, что призраки видят как бы в негативе — чем темнее, тем лучше. Свет же, наоборот, ухудшает видимость — чем ярче, тем хуже.

Или не все призраки, а конкретно он. Данилюк пока еще не был уверен, насколько происходящее нормально. Так со всеми бывает после смерти? Или это с ним одним случилось что-то... непонятное?

Неприятных ощущений Данилюк не испытывал. Собственно, он вообще никаких ощущений не испытывал. Эмоции

остались, хоть и приглушенные, а вот физические, чисто телесные чувства... Никаких признаков усталости, никаких признаков голода. Все это осталось там, с мышцами и желудком.

Холод тоже растворился. Конец февраля, минус двенадцать по Цельсию, а кажется, будто он у себя в комнате. Конечно, на нем зимняя куртка... кстати, почему она по-прежнему на нем? У вещей тоже есть свои призраки, что ли?

Руки, ноги и прочие части тела Данилюка выглядели как и прежде. Лица же своего он увидеть не мог. Пробовал смотреться в витрины, но не особо удивился тому, что не отражается в них.

Хотя... В витринах-то он не отражается, а вот что насчет... Данилюк порылся в карманах. К его радости, там лежали все те же предметы, что и при жизни. Похоже, у вещей и в самом деле тоже есть свои призраки. Не очень понятно, как это работает, но... почему бы и нет? Голыми привидения вроде бы не ходят, а если у них есть одежда — что мешает быть носильным вещам?

Конечно, Данилюк не знал о привидениях ничего, кроме того что читал в книжках или видел в кино и на ТВ. По большей части это были сказки, фильмы ужасов и псевдонаучные передачи, которые обожала его бывшая. Вряд ли там много достоверных сведений.

Но других-то источников нет.

Прежде всего Данилюк осмотрел смартфон. Точнее, не его даже, а себя. Включил фронтальную камеру и долго разглядывал свое лицо — такое родное и знакомое.

Оно тоже несколько не изменилось. Все тот же аккуратный овал, пара карих глаз, прямой нос, крошечный шрамик на нижней губе, которым Данилюк обзавелся еще в детстве. Гладко выбритый подбородок, темно-русые волосы — не длинные, но и не короткие. Все в точности как прежде.

И свое лицо Данилюк видел не мутным, не расплывчатым. Себя самого он видел четко и ясно. Словно это как раз он живой и настоящий, а все вокруг — призраки, бесплотные тени.

Смартфон тоже несколько не изменился... снаружи. Связи не было, Интернет не ловился, а многие приложения просто отказывались запускаться. Данилюк зашел в календарь, в переводчик, попытался записать голос на диктофон — все в общем работало, но как-то неуловимо отличалось. Сделав несколько фотографий улицы, он аж вздрогнул — вместо зданий, машин и прохожих там клубилась непонятная муть.

В любом случае связаться по этому призрачному смартфону ни с кем не получалось, проку в нем пока что не было, так что Данилюк сунул его обратно в карман. Может, потом все же пригодится для чего-нибудь.

Остальные вещи тоже остались на своих местах. Кошелек все так же лежал во внутреннем кармане, и в нем была ровно та сумма, что и до смерти. Восемь тысяч семьсот пятьдесят девять рублей и пятьдесят копеек. Кроме того, две банковские карты и пять разных скидочных.

Вряд ли ими теперь можно что-нибудь где-нибудь оплатить.

Еще при Данилюке были ключи от квартиры и вскрытая пачка жевательной резинки. Он машинально бросил одну подушечку в рот... и там возник вкус жвачки! Небо окатило мятной волной, деснам стало свежо и чуточку прохладно. Все как и должно быть.

Получается, призраки тоже могут есть и пить? Ну или по крайней мере жевать жвачку. Что ж, новость приятная — хоть одного удовольствия Данилюк не лишился, пусть и крошечного.

Конечно, одной вскрытой пачки хватит ненадолго... хотя нет! Данилюк в изумлении обнаружил, что подушечек там по-прежнему девять. Он купил эту жвачку сегодня утром, за день сжевал три подушечки, и сейчас вот жует четвертую. Должно оставаться восемь.

Но их девять.

Данилюк решил, что просто ошибся. Обсчитался. Может, при жизни он сжевал не три подушечки, а две — в конце концов, он же не следил. Или, может, в пачке изначально было тринадцать штук... хотя должно быть двенадцать, так даже на упаковке написано. Вот, русским... английским языком: «12 pieces».

Чтобы избавиться от сомнений, Данилюк сунул в рот еще одну подушечку. Теперь их осталось восемь, все правильно. Значит, он и в самом деле просто обсчитался, бывает.

Но уже сунув пачку в карман, Данилюк вдруг решил снова перепроверить. Он достал ее, посмотрел... и подушечек опять было девять.

— Ясно... — очень медленно произнес Данилюк.

Хотя ни черта ему не было ясно, конечно. Единственное, что он понял — некоторые прежние правила в мире призраков уже не действуют.

Ну... почему бы и нет. Если вдуматься, эти дурацкие девять подушечек — сушая мелочь, чепуха в сравнении с тем, что Данилюк вообще-то мертв. В сравнении с тем, что он теперь призрак.

Но по крайней мере, у него всегда будет жвачка. Хоть какой-то плюс.

Данилюка все сильнее беспокоил простой вопрос — что дальше? Что ему теперь делать? Как быть, куда податься? Не шататься же и дальше бесцельно до... до конца своих дней?.. Так он вроде как уже состоялся.

Конечно, Данилюк не имел понятия, что собой представляет жизнь после смерти. Но ведь наверняка должно что-то произойти? Какой-нибудь тоннель света, какой-нибудь потусторонний зов... ну хоть что-нибудь. Вряд ли после смерти ты просто становишься невидимкой и тупо бродишь по улицам. Если бы это было так, повсюду слонялись бы другие духи, а Данилюк пока ни одного не встретил.

Хотя... может, это все временное? Может, через часок-другой он окончательно прекратит существовать? Может, он вообще и не призрак никакой, а какая-нибудь... остаточная активность? Может, его мозг еще не окончательно умер, и вот это все — просто предсмертные галлюцинации?

Если так, можно вообще не напрягаться.

Но тут... тут Данилюк вдруг увидел другого призрака.

Правда, не человека. Навстречу бежал дух собаки.

Хотя поначалу Данилюк не понял, что это именно дух. Собака выглядела совершенно нормальной собакой — кавказская овчарка, по виду бродячая. Лохматая, слегка взъерошенная, но не прозрачная, не светящаяся, или как там должны выглядеть призраки.

Но в том-то и дело, что она выглядела нормально. Четкие контуры, яркие цвета. Никакой туманности и расплывчатости, как у всех остальных предметов. Как у людей и того кота. Собака выглядела точно так же, как сам Данилюк. Как его смартфон, как жвачка.

Данилюк подошел ближе и остановился. Собака тоже остановилась, уставилась прямо на него и приветливо гавкнула. Само по себе это ни о чем не говорило — кот тоже его видел. Но кот был туманным и расплывчатым, а собака — нет.

Задумчиво хмыкнув, Данилюк коснулся жесткой шерсти, погладил. Собака на ощупь была... как собака. Рука на сей раз насквозь не проходила, ощущала твердое. Пес добродушно ви-

льнул хвостом, лизнул Данилюку руку — и язык был влажным, чуть шершавым.

Может, все это тоже просто часть галлюцинации? Да нет, вряд ли...

И вообще — ну его на хрен, такие рассуждения. А то этот можно дорассуждаться до того, что вся прежняя жизнь тоже была галлюцинацией, а на самом деле он лежит в «Матрице» и видит цветные сны.

Лучше уж считать, что все именно так, как кажется.

— Привет, парень, — сказал Данилюк. — Ты чей? Тебя как зовут?

Джувльбарс — откуда-то всплыло в голове.

Данилюк моргнул. Пес явно ничего не говорил. И на телепатию тоже не похоже... хотя откуда Данилюку знать, на что похожа телепатия?

Так или иначе он почему-то теперь знал, что пса-призрака зовут Джувльбарсом. Тот еще раз вильнул хвостом и неспешно затрусил своей дорогой, оставив Данилюка смотреть ему вслед.

Постояв еще немного, он огляделся по сторонам и, пусть не сразу, сориентировался на местности. Пройдя по Карла Маркса, он свернул на 22 Партсъезда, миновал парк Гагарина и незаметно для себя оказался возле торгового центра.

Брести в никуда Данилюку уже надоело, так что он решил зайти.

Ни продавцы, ни посетители его тоже не замечали. Данилюк немного пошарахался там и сям, погулял по точкам, поглазнул на новую коллекцию джинсов. Слегка подосадовал, что у него таких уже никогда не будет.

Потом поднялся наверх, в кинотеатр. Решил убить немного времени за просмотром фильма. Билет, понятно, покупать не стал — да и как бы он смог? Просто дождался ближайшего сеанса, прошел в зал и уселся на свободное место.

Началась реклама. Киноэкран, как и все остальное, казался Данилюку размытым, затуманенным, но не так сильно, чтобы нельзя было смотреть. Он задумчиво отправил в рот жевательную резинку... и тут прямо на него кто-то сел!

Просто приподнявшийся зритель. Разумеется, он даже не подумал, что в этом кресле сидит призрак. И извиниться тоже не подумал — да и не заметил ничего, конечно. Плюхнулся, поставил рядом ведро с попкорном и принялся смотреть фильм.

Данилюк же подскочил как ошпаренный. Ощущение было... не сказать чтобы неприятным, но очень неожиданным. Так бывает, когда засыпаешь, уже проваливаешься в сон, но вдруг вздрагиваешь и резко приходишь в себя.

Можно было просто сесть на соседнее сиденье и продолжать просмотр, но Данилюку почему-то уже не хотелось. Стараясь больше никого не касаться, он прошел между рядами и... замер у двери.

Та, естественно, была закрыта. Данилюк, естественно, открыть ее не мог.

Он попытался коснуться ручки — пальцы прошли насквозь. Данилюк подумал, что придется-таки ждать окончания сеанса... а потом едва не хлопнул себя по лбу. Он же теперь призрак. Бесплотный дух.

Ну так зачем ему, спрашивается, открывать эту дверь?

Пройдя прямо сквозь нее, Данилюк обернулся. Нет, никаких следов не осталось. Никакого эктоплазменного пятна, или что там положено. Он просто прошел сквозь дверь... и при этом его снова странным образом пробрало. Гораздо слабее, чем было с человеком, но все равно чувствовалось.

Следующие полчаса Данилюк развлекался, просовывая руки и голову сквозь стены. Для призрака те были не плотнее воды. Несколько раз попробовал так и с людьми, но тут оказалось посложнее. Не все, но многие люди вздрагивали, когда он это делал, озирались, явно чувствуя что-то неладное. Да и сам Данилюк испытывал какие-то неприятные ощущения, так что решил прекратить.

К тому времени, когда он покинул торговый центр, на город окончательно спустилась ночь. Однако для Данилюка, наоборот, стало светло как днем. Уже оправившийся от шока, смирившийся с гибелью, он с любопытством глядел по сторонам — и постепенно стал замечать много интересного.

Он таки оказался не единственным призраком в городе. По мере того как темнело, их становилось все больше. Далеко не так много, как живых, но тем не менее. То тут, то там Данилюк видел среди размытых силуэтов четкие ясные фигуры — теперь он понимал, что это другие духи. Не только люди — попадались животные и даже неодушевленные предметы.

Данилюк очень внимательно осмотрел целое здание, четырехэтажную хрущевку, на месте которой в мире живых располагался просто кусок тротуара — он хорошо это помнил. Дом

снесли еще пять лет назад, когда перестраивали улицу. А в мире духов он, оказывается, по-прежнему стоит.

Живые, разумеется, призрак здания не замечали. Прямо на глазах Данилюка ночные прохожие спокойно входили в стену, появляясь уже с другой стороны. Данилюк попробовал тоже пройти — но вот как раз для него-то эта стена оказалась непреодолимой преградой!

Пришлось обходить призрачное здание по мостовой. Сквозь Данилюка тут же проехала машина, и он сдвинулся влево, на трамвайные рельсы — и тут сзади как раз задребезжало.

— Я думал, в такое время трамваи уже не ходят... — пробормотал он, уступая дорогу.

Оказалось, что он не ошибся. Подъехавший вагон был старинным — с деревянными сиденьями и чугунными калитками вместо дверей. Данилюк такой модели ни разу и не видел. И он не был размыт — четкий, ясный.

Трамвай-призрак.

Салон не пустовал. Оттуда слышались шум, смех, пьяные крики. Тоже сплошь призраки — они горланили, пели песни, распивали спиртное, а где-то в середине, кажется, даже дрались.

Проезжая мимо Данилюка, трамвай замедлил ход, а потом остановился совсем. Из кабины выглянул вагоновожатый — очень представительного вида, в фуражке, с пышными черными усами. Он окинул Данилюка придирчивым взглядом и сказал:

— Пожалуйста-с. Имеются свободные места-с, прокатим с огоньком.

Данилюк медлил. В принципе он не возражал прокатиться... но что-то его останавливало. Не внушала доверия эта веселая компания. К тому же он решил-таки пойти домой — а трамвай ехал в другую сторону.

— Спасибо, я пройдуся, — вежливо ответил Данилюк.

— Ваше право-с, — холодно ответил вагоновожатый.

После трамвая-призрака Данилюк встречал других духов еще несколько раз. Никто из них не выказал к нему интереса. Большинство выглядело... как-то нездорово. Нет, никаких цепей, отрубленных голов или черепов вместо лица. Просто вид у них был квелый, потерянный.словно наркоманы под кайфом.

Один, например, просто стоял у стены с опущенными руками и головой. Он не шевельнулся, когда Данилюк шел мимо,

ничего не ответил, когда тот поздоровался. Манекен — не человек.

Другой, наоборот, передвигался очень быстро. Но по кругу. Сосредоточенно глядя перед собой, он спортивным шагом обходил скверик — раз за разом, раз за разом.

Еще одна девушка плакала. Совсем молодая, она сидела на скамейке и горько рыдала. Данилюк посочувствовал, спросил, что случилось, — но ответом стали только еще более бурные рыдания. Девушка закрыла лицо ладонями, отдаваясь своему горю истово, самозабвенно. Данилюк немножко подождал, постоял рядом — плач все не унимался.

А после... после Данилюк увидел кого-то нового. Сначала даже не понял, кого именно... да и потом тоже. Это была какая-то жуткая дрянь, зубастое чувырло, лишь отдаленно смахивающее на человека. И не одно, а два — они быстро-быстро бежали сюда на четвереньках.

Плачущая девушка мгновенно прекратила плакать. С явным ужасом поглядев на этих непонятно кого, она вцепилась что есть сил в скамейку и... растаяла в воздухе. Просто взяла и растворилась.

— Ого, — только и смог сказать Данилюк.

Судя по такой реакции, встречаться с этими уродами — не самый разумный поступок. А поскольку исчезать Данилюк не умел, он бросился наутек.

ГЛАВА 2

Твари шли по пятам уже минут десять. Данилюк не уставал, но и они явно тоже. И двигались они быстрее улепетывающего призрака — самую чуточку, но все же быстрее. Их разделяло уже всего метров пятнадцать — и расстояние продолжало сокращаться!

— Да что вам надо-то?! — крикнул на бегу перепуганный Данилюк.

Твари не ответили. Но Данилюк догадывался, что им надо. Очень уж жадно они пялились, очень уж широко разевали пасти.

Как голодные собаки.

Конечно, они могут оказаться безобидными зверушками, которые просто хотят поиграть... но в это почему-то не верится.

При жизни Данилюк мало занимался спортом. Он раз в неделю посещал фитнес-центр, но больше из чувства долга. Бывшая убедила его приобрести годовой абонемент, и ему хотелось что-то получить за свои деньги. Но он в основном вышагивал там по кардиодорожке и плескался в бассейне.

Так что при жизни Данилюк никак не сумел бы удрать от этих уроков. У него давно бы уж закололо в боку — дышалка всегда была ни к черту. К счастью, призрак от этой проблемы оказался избавлен... или нет?!

Странное дело. Как только Данилюк подумал, что должен уже выдохнуться, как только представил себе это воочию — так сразу почувствовал, что действительно начинает выдыхаться! Откуда-то поднялись ровно те же ощущения, что бывают после хорошей пробежки у неспортивного человека.

Очень неприятные ощущения.

Данилюк решил, что это психологическое. Воображение разыгралось. Он же теперь призрак — у него нет легких, он не дышит! Надо просто отбросить эти мысли, снова просто бежать, как бежится... но отбросить не получалось! Раз подумав об этом, Данилюк уже не мог расстаться с зудом в голове — он устал, он выдохся, он сейчас упадет...

А твари уже только что не хватали за пятки. Данилюк рискнул обернуться и вздрогнул — от жутких кривых клыков отделяло метров десять. Еще чуть-чуть, и... а что произойдет?.. Разве можно умереть во второй раз?

Похоже, сейчас он это узнает.

Данилюк пытался звать на помощь, но других призраков близко не было, а живые не видели ни его, ни преследователей. Да и было этих живых всего ничего — ночь ведь...

Данилюк совсем отчаялся, когда один из поздних прохожих привлек его внимание. Вроде бы обычный старичок — седенький, сутулый, — но как будто охваченный пламенем.

Хотя не пламенем, конечно, — просто вокруг разливалось странное марево. Мягкое такое, как от лампы дневного света.

Уже само по себе интересно. А когда Данилюк к нему приблизился — висящие на хвосте твари вдруг замедлили бег. Данилюк снова рискнул обернуться — и увидел, что те морщатся, фыркают, явно не желая подходить к этому человеку-факелу.

Данилюк решил, что хуже уже не станет, и подошел к старичку поближе. Ему это марево не причинило вреда — светит себе и светит. Но клыкастые бестии шарахались от него, как от

огня, так что Данилюк решил прибиться пока к этому «острову безопасности».

Старичок неспешно семенил по ночной улице, кутаясь в... приглядевшись к затуманенному силуэту, Данилюк распознал рясу. Похоже, поп. Выходит, эти твари их боятся? Кто же они такие — черти, что ли? Или еще какая нечисть?

Как бы то ни было, Данилюку это на руку. Подладившись к довольно медленному шагу попики, он пошел рядом с ним. Твари продолжали ползти следом — но теперь все медленнее, боясь подступиться. Разрыв с каждой минутой увеличивался, и Данилюк стал успокаиваться.

К сожалению, совсем твари не ушли. Не подходили ближе чем на десяток шагов, но по-прежнему сверлили Данилюка жадными взглядами. Вид у них был... голодный.

А потом не подозревающий о призрачном попутчике поп достиг цели. Небольшой церквушки... или часовни. Данилюк не знал, чем они различаются.

Старичок пошарил в карманах, достал кольцо с ключами, отпер дверь и вошел. Данилюк двинул было за ним — но не смог. Ни сквозь стену, ни даже в открытую дверь — его просто не пускало внутрь. Отталкивало чем-то невидимым.

Твари издали довольное похрюкивание и стали красться к нему. Данилюк отчаянно заколотился в незримый барьер — нет, не пропускает.

— Не получится, юноша, — раздался негромкий голос. — Можете даже не стараться.

Данилюк повернул голову — и увидел другого призрака. Интеллигентного вида господина лет пятидесяти — лысоватого, с аккуратной бородкой клинышком и длинными, чуть заостренными усами. Одет он был в серый то ли пиджак, то ли мундир, а на груди алело кровавое пятно.

— Если хотите жить — бегите за мной, — спокойно сказал призрак, швыряя клыкастым тварям камень.

Те метнулись за ним, как собаки за мячиком, но тут же распознали обман и опять побежали к Данилюку. Но тот уже удирали в другую сторону, стараясь не отставать от этого доброго самаритянина. Данилюк не знал, кто он такой, почему помогает, но особого выбора у него не было.

— Шире шаг, молодой человек! — скомандовал незнакомец. — Ретируемся сломя голову!

Данилюк послушно бежал за ним. В боку уже совсем не колело... но как только он об этом вспомнил, тут же снова начало

колоть! Данилюк постарался не обращать на это внимания, а лучше — совсем забыть.

— Что это за монстры?! — спросил он на бегу, чтобы отвлечься.

— Голодные духи! — бросил в ответ незнакомец.

— Голодные духи?..

— Именно! А еще Пожиратели! Или Брошенные! Их по-разному называют... так, давайте-ка вон туда!

Голодные духи не отставали. Они гнали жертв, как охотящиеся волки. Данилюк очень надеялся, что его спутник знает, что делает, — иначе... он боялся думать о том, что будет иначе.

По счастью, тот знал. Довел Данилюка до ближайшего здания и пробежал вместе с ним в стену. На секунду мир вокруг исчез, перед глазами стало черным-черно, а потом они вывалились с другой стороны, уже в чьей-то квартире. С ужасно высокими потолками, диковинной мебелью...

— Приподнимитесь, — посоветовал другой призрак, как-то странно дергаясь кверху.

Данилюк опустил взгляд и сообразил, что квартира-то самая обычная, просто он по пояс погружен в пол. Ну правильно, ведь даже первый этаж обычно находится выше уровня земли.

Выдернуться с непривычки оказалось непросто. Данилюк пытался ухватиться за половицы, за мебель, но руки проскальзывали сквозь них. В конце концов спутник подал ему руку и подтянул кверху.

— Что это за место? — с любопытством огляделся Данилюк.

— Да просто чья-то квартира, — пожал плечами его спаситель. — Кажется, мы еще не представлены, молодой человек. Я, с вашего позволения, Тряпочкин, Порфирий Михайлович, весьма рад знакомству.

— Алексей Валерьевич... можно просто Алексей, — представился Данилюк. — Взаимно. Спасибо, что выручили, Порфирий Михалыч... а-а... эти голодные духи за нами следом-то не войдут? Они ведь тоже призраки... или кто они такие?..

— Нет-нет, насчет этого не беспокойтесь, — заверил его Тряпочкин. — Голодные духи, к нашей с вами удаче, не умеют проходить сквозь стены. Просто не понимают, что это возможно. Для них стена — это... ну, как красные флажки для волков. Не преграда совсем, но... они думают иначе.

— Ах вот оно как... — слегка успокоился Данилюк. — Значит, тут мы в безопасности?

— В полнейшей. Намотайте на ус, юноша, убежать от голодных духов бесполезно, они будут идти по пятам вечно. Прячьтесь от них в домах.

— Но просто войти сюда они могут, я верно понимаю? Не сквозь стену, а просто в дверь. Если будет открыта.

— Это они могут, вы правы. Но обычно не заходят — не любят закрытых пространств. А если голодный дух все-таки попадет в какое-нибудь помещение, то скорее всего уже не сможет найти дорогу обратно. Плохо ориентируются, понимаете?

— А кто они вообще такие? — спросил Данилюк. — Чего им от меня надо-то было?

— Да не от вас. То есть — не конкретно от вас. Голодные духи — это, молодой человек, наши же с вами собратья по несчастью. Такие же призраки, когда-то бывшие людьми. Только деградировавшие до скотского состояния. Теперь вся их жизнь, все их существование — ловить других духов и... кушать. Такая вот у них жизненная колея, простите за выражение.

— Ого, — только и смог произнести Данилюк. — Не позавидуешь.

— И не говорите, молодой человек. И не говорите.

— Это, выходит, они... какая-то нечистая сила? Или что? Священников они боятся, так?

— Не всех, к сожалению, далеко не всех, — покачал головой Тряпочкин. — В церкви люди тоже очень разные, и на большинство из них голодным духам начхать. Но встречаются иногда и такие, как отец Амвросий... подлинные старцы. От них нечисть действительно шарахается, как от огня. Но таких сейчас мало... да и всегда было мало.

Квартира, в которую вломились Данилюк и Тряпочкин, была обитаема. Хозяйева сейчас, понятно, крепко спали — причем прямо здесь, в двух шагах от беседующих призраков. Тряпочкин их игнорировал, да и Данилюк уже привык не обращать на живых внимания. Из любопытства он просунул руку сквозь одеяло и сказал:

— Порфирий Михалыч, давайте проясним один момент. Мы ведь с вами мертвы, верно? Я ничего не путаю?

— Само собой, юноша, — доброжелательно ответил Тряпочкин. — Мертвы, как дронт. Я уже довольно давно, а вот вы, как я понимаю, совсем недавно.

— Всего несколько часов, — мрачно ответил Данилюк. — Этим вечером дуба дал.

— Что ж, сочувствую. В таком молодом возрасте это всегда печально.

— Да-да, разумеется. Но я что хочу спросить — если мы уже мертвы... что эти голодные духи нам могут сделать? Во второй раз же мы не умрем?

— Во второй раз, безусловно, не умрем.

— Тогда что произойдет? Если они нас... э-э-э... скушают.

— Не уверен точно, — задумчиво ответил Тряпочкин. — Сам я этого своими глазами не видел, а те, кто видел, — уже никому не расскажут. Мне доводилось встречать тех, кого они не доели, но, сами понимаете, не тех, кого сожрали целиком. Однако я слышал, что после этого все заканчивается.

— Что все? — не понял Данилюк.

— Все. Вот это. Наше с вами нынешнее существование.

— То есть... совсем?... Исчезнешь окончательно?

— Нет-нет, не совсем окончательно, конечно... Просто перестанешь быть призраком и... отправишься на следующее рождение.

— То есть... реинкарнация? — уточнил Данилюк. — Это так называется?

— Ну... в общем, да. Родишься заново.

— Так это же хорошо. Хорошо ведь? — усомнился Данилюк.

— Ну кому как. Ты ведь не оживешь, а переродишься. И при этом потеряешь память. Снова придется учиться говорить и ходить на горшок. Если вообще родишься человеком, а не тараканом каким-нибудь. Лично я предпочитаю еще немного пошастать. В доле призрака есть свои приятности, знаете ли.

— И долго это шастанье будет продолжаться?

— Это уж как получится. Обычно быстро заканчивается. Но некоторым удается протянуть довольно долго.

— Насколько долго?

— Знаете, кем я был при жизни, юноша? — хитро прищурился Тряпочкин.

— Кем?

— Коллежским ассессором.

— Кем?... Кем-кем?! — дошло до Данилюка.

— Вот именно. Ваше высокоблагородие, так сказать. Я уже больше ста лет в таком вот виде.

— Ничего себе, — подивился Данилюк. — А много вообще на свете таких вот, как мы?

— Бродячих призраков-то?

— Ну да. Не все же после смерти вот так... шастают? Тогда бы призраков вокруг было больше, чем живых... а я за день видел всего нескольких.

— Вы правы, юноша, мы с вами и нам подобные — исключение из правила. Почти все умершие сразу или почти сразу уходят на ту сторону. В загробный мир. Либо кто-то за ними является, провожает, либо сами уносятся.

— А мы-то с вами почему здесь?

— Да кто ж его знает... — вздохнул Тряпочкин. — Я на той стороне ни разу не был, в этой механике толком не разбираюсь. Хотя вы, молодой человек, раньше времени не переживайте. Просто потерпите немножко. Некоторых забирают с задержкой. Через несколько часов, а то и дней. Вы ведь точно умерли, окончательно? Может, вас просто еще можно реанимировать? Такое случается.

— Не, там вообще все всмятку, — мотнул головой Данилюк.

— Ну тогда просто подождите. До похорон хотя бы. Вот если и к тому времени никто за вами не придет... тогда начинайте беспокоиться.

Тряпочкин предложил покинуть здание с другой стороны. Скорее всего, голодные духи уже ушли, но есть шанс, что они по-прежнему сидят там, подстерегают. Лучше не рисковать.

Данилюк пока не очень свыкся с тем, что он теперь дух. Огибал предметы мебели, сквозь двери и стены проходил осторожно, пробуя сначала рукой, как холодную воду. А вот Тряпочкин шел по прямой, безразличный к преградам.

Он даже не перебирал ногами. Просто плыл вперед, словно несомый ветром. Ступни его при этом то слегка погружались в пол, то чуть над ним приподнимались.

Настенные часы в одной из квартир сказали, что сейчас половина четвертого ночи. Самое глухое время суток — все «совы» уже уснули, никто из «жаворонков» еще не проснулся. Бодрствуют только «летучие мыши» — и одну такую Данилюк с Тряпочкиным по пути встретили. Худенькая конопатая девушка сидела перед компьютером, сосредоточенно щелкая мышкой. Данилюк, вышедший из стены прямо перед ее лицом, невольно опешил, но девушка, разумеется, даже не вздрогнула.

— Все еще не привык, что мы невидимы, — сказал Данилюк Тряпочкину.

— На самом деле не невидимы, — поправил тот. — Просто люди нас... игнорируют.

— Как это?

— Ну, техническую сторону вопроса я не знаю. Но слышал, что это как с носом.

— В смысле — с носом?

— Нос — он же у нас всех перед глазами, верно? Глаза постоянно на него смотрят. Но разве вы его видите?

— Хм... Да, и правда.

— Вот и с духами так же. Живые смотрят на нас, но не видят. Хотя мы — вот они.

Данилюк немного подумал, дважды обошел вокруг девушки, проходя прямо сквозь компьютер, и неуверенно сказал:

— Но я могу увидеть свой нос. Если сильно скошу глаза, он виден.

— И нас тоже живые могут видеть, — кивнул Тряпочкин. — Те, кто умеют правильно... скашивать глаза. Только такие умельцы встречаются даже редко — я за всю послежизнь только раз одного и встретил.

— И что он? — заинтересовался Данилюк.

— Да ничего. Увидел меня, хмыкнул, да и мимо прошел. Я к нему было с разговорами, так и сяк, а он только глянул недобро и шаг ускорил. Ему-то, видно, призраки не в диковинку были.

— И давно это было?

— В тридцатые еще.

На улицу Тряпочкин выходил с осторожностью. Высунул сначала голову из стены, повертел по сторонам, поискал взглядом голодных духов — нет, все чисто. Махнул рукой Данилюку — можно выходить.

— Как, молодой человек, запомнили, как вести себя в случае чего? — спросил он. — Не теряйтесь в следующий раз.

— А их вообще много — духов этих голодных? — поинтересовался Данилюк.

— Много... ну как много?.. Смотря что считать за много. С ними туточки, в Тенях, примерно как при жизни с гопстопниками. Можно жизнь прожить и ни с кем из них не встретиться, а можно каждую неделю заточку у горла видеть. Смотря где живешь, где гуляешь, с кем знакомство водишь, да насколько счастлив по жизни. Вас вот, молодой человек, при жизни часто ли грабили?

— Грабить ни разу не грабили. Кошелек один раз вытащили, в автобусе, лет восемь назад. Но там почти пусто было.

— Ну это не так и плохо, в рубашке родились. А меня вот, было дело, ограбили. И ладно б просто ограбили, так еще ведь и ножом пырнули. Ни за что ни про что. Да скверно еще пырнули так — в грудь прямо. Легкое проткнули.

— Ого, — посочувствовал Данилюк. — И как же вы выжили?

— Так я и не выжил, — грустно усмехнулся Тряпочкин. — Извольте видеть — та самая рана, сотню лет уж при мне.

Данилюк понимающе поцокал языком. Кровавое пятно на груди Тряпочкина он заметил сразу же, да как-то неловко было спрашивать.

Но сам по себе этот момент его заинтересовал. Что же выходит — полученные перед смертью раны остаются с призраком навсегда? Тогда почему сам Данилюк выглядит нормально? Его в той аварии довольно сильно поуродовало.

Тряпочкин объяснил, что дело тут не в самих ранах, а в предсмертном страхе, боли и всяких других чувствах. В момент смерти все это впечатывается в подсознание и проявляет себя в виде увечья. Поэтому застреленные ходят с дыркой в теле, удушенные — с полосой на шее, утопленники — синие и водой каплют.

Конечно, при условии что призрак все это отчетливо помнит. Тряпочкин вот даже спустя сто лет так и не избавился от того скверного воспоминания. А если когда-нибудь избавится, если забудет о той злосчастной встрече в подворотне — тут и рана в груди пропадет.

Должна пропасть, по крайней мере.

Ну а Данилюк смерть принял мгновенную, боли почти не испытал, понять толком ничего не понял. Вот и нету на нем никаких следов аварии — каким себя помнил, таким и выглядит.

— А что насчет трупа? — спросил Данилюк.

— Какого трупа? — не понял Тряпочкин.

— Моего трупа. Если с ним что-нибудь сделают... на мне это отразится как-нибудь?

— Ровным счетом никак, — заверил Тряпочкин. — Мой вот труп уж сотню лет под могильной плитой обретается. Даже представить не берусь, во что он за это время превратился. Голый скелет уж давно, наверное, а мясо все черви сглодали. Но разве же я выгляжу скелетом? Как по-вашему, молодой человек?

— Да, верно, — согласился Данилюк.

— Правда, есть здесь один нюанс, — поднял палец Тряпочкин. — Некоторые духи и в самом деле выглядят в точности так, как их прежнее тело. Труп разлагается — и они разлагаются. Труп гниет — и они гниют. Я таких встречал.

— Надеюсь, я не из таких, — сказал Данилюк.

— Да нет, не волнуйтесь, не из таких. С такими, трупообразными, мы бы вот так занимательно не беседовали. Они и говорить-то толком не способны. По-моему, это те, кто уже начал превращаться в голодных духов... но точно я не уверен.

Данилюк еще раз поблагодарил Тряпочкина за спасение и спросил, как его можно найти, если вдруг что. Тряпочкин ответил, что определенного адреса у него нет — призраку жильё без надобности. Ночлег-то не нужен, вещей нет.

Однако его часто можно застать в театре драмы. Он и при жизни это дело любил, а теперь вовсе ни одной премьеры не пропускает.

— А вас где при надобности отыскать можно будет, юноша? — спросил Тряпочкин.

— На Советской Армии живу... жил. Пойду туда сейчас, наверное... не знаю зачем, но загляну все же.

Сообщив Тряпочкину номер дома и квартиры, Данилюк с ним распрощался.

ГЛАВА 3

Домой Данилюк вернулся еще затемно. Зимой рассветает поздно. Данилюк жил на девятом этаже, так что машинально попытался вызвать лифт. Поглядев на палец, прошедший сквозь кнопку, он криво усмехнулся и сунул голову в шахту. Ему всегда хотелось посмотреть, как та выглядит изнутри.

В итоге идти пришлось по лестнице. Дело это с непривычки оказалось непростым — ноги то и дело уходили внутрь ступенек. Данилюк задумался, как он вообще может ходить по полу, по земле — разве он не должен сквозь них проваливаться? Хотя тогда его, наверное, утянуло бы вниз, куда-нибудь к центру земли, и он остался бы там навечно.

Это было бы чертовски глупо.

Подойдя к своей квартире, Данилюк все так же машинально достал ключи и попытался отпереть дверь. Конечно, та ни-

как не среагировала на призрак ключей. Данилюк снова усмехнулся и просто сделал шаг вперед.

В третий раз он совершил машинальное, бессмысленное движение — попытался включить свет. Снова рука прошла насквозь, снова Данилюк усмехнулся — теперь уже раздраженно, с досадой на самого себя.

Да и свет ему больше не нужен. Он превосходно видит в темноте.

Вот она, его квартирка. Совершенно обычная однушка, которую Данилюк вот уже восьмой месяц снимал у одной старушки, переехавшей в деревню. Вещей всего ничего — кровать, шкаф, стол и стул, телевизор, ноутбук. На подоконнике горшок с бегонией.

Да еще обшарпанная советская стенка, набитая старыми книгами, патефонными пластинками и хрусталем. Принадлежало это добро не Данилюку, а хозяйке квартиры — и та строго запрещала что-либо выкидывать. Таким же хламом был завален и крохотный кухонный балкон — Данилюк не мог туда даже зайти толком.

В холодильнике стоял вчерашний суп. Обычно Данилюк питался пельменями, наггетсами, китайской лапшой и прочей едой легкого приготовления, но иногда хотелось себя побаловать. Вчера он впервые в жизни приготовил куриный суп с морковными звездочками — и результат ему на удивление понравился. Он съел половину, а вторую приберет на завтра.

И теперь она пропадет. Чертовски досадно. Данилюку почему-то было ужасно жаль этого злосчастного супа.

Он еще раз прошелся по квартире, не в силах ничего коснуться и понятия не имея, чем заняться. Страшно хотелось включить ноутбук в последний раз. Стереть кое-какие файлы и очистить историю браузера.

Горестно осознавать, что это уже невозможно.

Примерно через полчаса Данилюк убедился окончательно — делать ему здесь абсолютно нечего. Дотронуться ни до чего нельзя, а просто стоять посреди комнаты — удовольствие не ахти какое. Он окинул квартирку последним взглядом и вышел так же, как вошел.

Немного подумав, Данилюк решил навестить свое тело. Он откуда-то знал, где то находится. Просто чувствовал — вон в том направлении. Наверное, в морге, или куда там отвозят тела.

Добрался до морга Данилюк уже к утру. Прошел мимо за-спанной сторожихи, спустился по темной лестнице и вошел в печальный холодный подвал. Данилюк не ощущал температуры, но здесь холод можно было почти что увидеть. Вдоль дальней стены тянулись морозильные камеры, в центре стоял анатомический стол, а чуть в сторонке — несколько медицинских каталок. Две пустые, три — с телами.

Одно из этих тел Данилюк узнал. Хотя не с первого взгляда — за ночь оно окоченело и побледнело, глаза высохли, а живот почему-то вздулся.

Но зато последствий травмы стало почти не видно. Кровь смыли, руки и ноги аккуратно уложили — и не скажешь, что внутри все всмятку. Порезы на лице чем-то даже замазали — видно, уже готовят к похоронам.

Одежду с трупа сняли, выставляя весь срам напоказ. Данилюку было откровенно неприятно смотреть на прежнее вмес-тилище, но он не мог отвести взгляда. Смотрел и смотрел.

Потом он коснулся... себя. Ничего не почувствовал, но продолжал водить рукой. Сунул ее поглубже. Попробовал даже влезть целиком, улегшись на каталку. Мелькнула шальная мысль — а что, если таким образом можно вернуться?..

Ничего не получилось, конечно. Мертвое тело и не подумало оживать. А вот Данилюк испытал очень противное чувство... как будто нырнул в яму с чем-то гадким, вонючим. Рот и ноздри заполнило мерзким запахом.

С каждой секундой это ощущение только усиливалось, так что он поспешил встать. Глупая была вообще затея, но он не мог не попробовать.

Похороны — это такая штука, в которой никак невозможно повременить денек-другой. Все делается предельно быстро. Данилюк еще не покинул холодный подвал, когда за телом пришли родственники. Тихо плачущая мама в черном платке и брат с каменным лицом. Отец сейчас в командировке — ему, конечно, сообщили еще вчера, но вернуться так быстро он в принципе не сумел бы.

Мама бросила на тело сына только один взгляд, заплакала еще громче и отвернулась. С работниками морга разговаривал брат — а из отдельных его реплик Данилюк понял, что вчера он сюда уже приходил, проводил опознание.

Ушли они почти сразу же. Данилюк их за это не винил — он и сам не хотел здесь оставаться.

Чуть поразмыслив, он пошел следом. Не с первой попытки, но уселся в машину — рядом с братом, на переднее сиденье. Данилюк опасался, что когда та тронется, то проедет сквозь него, но ничего подобного не произошло.

На протяжении поездки родные не произнесли ни слова. Мама не прекращала плакать, брат угрюмо молчал. Данилюк попробовал говорить с ними сам, но близкая родня не замечала его так же, как и все остальные.

Ехали минут двадцать. Из них почти половину стояли в пробке, во время которой молчание в машине стало особенно гнетущим. Данилюк безуспешно пытался что-нибудь сдвинуть, шевельнуть, оказаться услышанным. Хоть как-нибудь дать знать, что он здесь, что с ним все в порядке... ну не прямо вот в порядке, разумеется, но в целом он чувствует себя нормально.

Ничего не получилось, конечно. Вряд ли это вообще хоть у кого-нибудь когда-нибудь получалось.

Войдя в родительскую квартиру, Данилюк аж поежился. Зеркала были завешены, на подоконниках стояли чашки с водой, а на пороге почему-то лежали еловые ветки.

— Бабушка, ну зачем? — укоризненно протянул брат, переступая через этот мусор.

— Положено так, — сухо ответила бабушка, выходя из комнаты.

В отличие от мамы, она не плакала. Глядела спокойно, чуть поджав губы. Бабушка вообще редко давала волю эмоциям — даже когда умер дед, она только тяжело вздохнула и продолжила лепить пирожки. Хотя любила его страшно, сорок лет жили душа в душу.

Данилюк прошелся по квартире. Кроме мамы, брата и бабушки в ней нашлась баба Дуня, старшая бабушкина сестра. Эта уже почти девяностолетняя старушка неподвижно сидела на кухне, держа обе ладони на чашке чая. Данилюк последний раз видел ее десять лет назад — и тоже на похоронах.

Всего Данилюк за свою не очень длинную жизнь присутствовал на трех похоронах. Все трое были печальными и тоскливыми. Но оказалось, что когда хоронят не кого-нибудь, а тебя самого — это еще хуже. Данилюку было ужасно неловко смотреть на горящую родню — словно провинился перед ними, подвел как-то.

Из ванной степенно вышел Мехмат Зурабович — огромный персидский кот. При виде Данилюка он чуть вздрогнул, распу-

шил хвост и издал утробное рычание. Но когда Данилюк подошел ближе — сменил гнев на милость и даже позволил себя коснуться.

Конечно, Данилюк при этом ничего не почувствовал и понятия не имел, чувствует ли что-то кот. Скорее всего, Мехмат Зурабович просто проявил уважение к покойному сыну хозяев. Он всегда был таким — снисходительно позволял себя гладить, всем видом показывая, что делает это исключительно по широте души.

Ближе к обеду привезли гроб с телом. Из разговоров Данилюк узнал, что похороны назначены на завтра, в полдень. Брат уже договорился насчет места на Городском кладбище. Организовал подзахоронение — на Городском уже лежали дед, прабабка и еще кто-то из предков Данилюка по материнской линии. Можно сказать, семейный погост.

В квартире было тихо и печально. Брат ушел по делам, бабушка с бабой Дуней что-то стряпали на кухне. Мама сидела у изголовья гроба, неотрывно смотрела на тело сына, иногда гладила его по щеке.

Данилюк тоже смотрел. Служащие похоронного бюро привели его труп в порядок, заgrimировали, окончательно скрыли следы аварии. Волосы зачесали на левую сторону — там лицо пострадало особенно сильно. Бальзамировать не стали — хоронить будут уже завтра.

Еще его переодели. Данилюк машинально погладил ткань, потер край рукава... и вдруг заметил, что сам начинает меняться. Зимняя куртка, штаны и шарф словно растворились, сменяясь серым костюмом-двойкой. Тем самым, в котором он лежал в гробу.

Время от времени дребезжал дверной звонок. Попрощаться приходили все новые и новые люди. В основном какие-то тетки и бабки — дальняя родня, Данилюк мало кого узнавал даже в лицо.

Заглянул Серега, лучший друг. Посочувствовал, повздыхал, спросил, во сколько и где похороны, выпил пустого чаю и снова убежал.

Ближе к вечеру домой вернулся отец и появилась сестра. Она три года назад вышла замуж и переехала в Тольятти. Сказала, что ее муж сегодня не смог — приедет завтра, вместе с их дочкой.

По мере того как в квартире прибавлялось людей, Данилюк чувствовал себя все стесненнее. Как будто реально провинился

в чем-то. Все яснее он понимал, что здесь ему делать нечего, пора двигаться дальше.

Он еще раз обошел все комнаты, простился с родителями, братом и бабушкой, постарался получше запомнить их лица. Последней была сестра — ее он нашел в детской, спящей на тахте.

— Устала... — вздохнул Данилюк, присаживаясь рядом.

На щеках сестры застыли мокрые дорожки. Похоже, тоже не выдержала, расплакалась. В детстве младший братишка не раз выводил ее из себя, но она все равно о нем заботилась — утирала сопливый нос, помогала находить потерянные игрушки, даже один раз поджарила яичницу. Правда, Надьке тогда самой было всего девять лет, так что яйца она сожгла до состояния золы, едва не устроив при этом пожар.

Данилюк погладил волосы спящей сестры. В кончиках пальцев возникло странное ощущение — их словно наэлектризовало. Данилюк отдернул руку, но, подумав, вернул ее обратно, задержал подольше... и почувствовал, как куда-то проваливается!

Он не сразу понял, где очутился. Тесная комната, полуразвалившаяся мебель, за окном какие-то грязные дома... невероятно знакомые. Это же их старая квартира! Данилюки жили здесь двадцать лет назад, когда Алексей еще учился в младшей школе, а Костик, брат, вообще лежал в пеленках.

Но... как он сюда попал? Старый адрес расположен на другом конце города, и здесь давным-давно живут другие люди. Сейчас вся обстановка должна выглядеть иначе, да и улица с тех пор сильно изменилась...

А потом Данилюк заметил Надю. Сестренка стояла у окна, но сначала Данилюк ее почему-то не видел. Как будто она не сразу проявилась.

Надя повернулась, посмотрела на Данилюка и грустно сказала:

— Привет, Леш...

— Привет, Надь... — тихо ответил Данилюк.

— Как же ты вот так, Леша?..

— Да... как-то вот получилось... — виновато вздохнул Данилюк. — Вы уж не грустите там слишком сильно... У меня тут все хорошо.

— Ладно... — всхлипнула Надя.

Данилюк обнял сестру, и они еще пару минут просто молча стояли у окна. А потом старая комната стала расплываться, те-

рять очертания... и Данилюк обнаружил себя вновь сидящим на тахте, рядом со спящей Надей. Та что-то чуть слышно бормотала, но губы ее теперь изгибались в улыбке.

Данилюк задумался. Похоже, сейчас он каким-то образом побывал в чужом сне. Мистика, конечно... но разве само его присутствие здесь, в одной квартире с собственным трупом — не мистика? Он стал призраком меньше двух дней назад и еще толком ничего не знает о своем новом бытии.

Может, для духов это обыденная вещь?

Так и оказалось. Дождавшись, пока уснут остальные, он аналогичным путем вошел в сны к отцу, брату и бабушке. Попрощался с ними по-настоящему, попросил, чтобы не слишком тосковали.

Хотел зайти и к маме, но та этой ночью так и не уснула. Данилюк ждал довольно долго, но она все сидела рядом с гробом. Смотреть на это было откровенно больно, поэтому он решил отложить посещение до следующего раза, а пока что прогуляться, поразмыслить.

Этой ночью Данилюк шагал по улицам уже не бездумно, но с осторожностью поглядывал вокруг. Помнил о голодных духах. Их пока что не встречалось — а вот обычные призраки были, хоть и редко. К Данилюку они интереса не проявляли — такие же прохожие, только бесплотные.

Данилюк решил еще разок заглянуть к себе на квартиру. Он знал, что брат днем туда ездил, забрал часть вещей, и ему захотелось узнать, каких именно. Благо идти было не очень далеко — Данилюк добрался всего за час.

Измениться почти ничего не изменилось. Мебель, телевизор и бегония принадлежат хозяйке, а одежду, обувь и личные вещи решили перевезти потом. Квартира оплачена до середины марта, время есть.

Брат взял только ноутбук, документы и ценности. Немного наличных, цепочку и золотые часы, подаренные отцом на выпускной. Прихватил почему-то и китайскую керамическую статуэтку — то ли на память, то ли решил, что она дорогая. На самом деле стоила она копейки — Данилюк выиграл ее в тире.

Суп из холодильника тоже пропал. Грязная кастрюля лежала в раковине, но содержимое исчезло. Почему-то Данилюку было очень интересно, съел ли его брат или просто вылил.

Осмотрев все еще раз, он лег на кровать и уставился в потолок. Спать ему, понятно, не хотелось. Вряд ли призракам вообще нужен сон или отдых. Просто лежал и думал.

Так он пролежал часа два. А потом... в окно постучали.

Ну как постучали... На самом деле не постучали. Просто снаружи появилась рука, сделала несколько символических движений и прошла сквозь стекло. За ней просунулась и голова — коллежского асессора Тряпочкина.

— Добрый вечер, юноша. Не помешал?

— Порфирий Михалыч?.. — пораженно уставился на него Данилюк. — А ты... вы... вы откуда здесь взялись?

— Да просто совершал променады, любовался видами ночной Самары, решил вот визит вам нанести, проверить, как проживаете... вы не против?

— Да нет, я не против, но... но здесь же девятый этаж!

— И что?

Данилюк подошел к окну и увидел Тряпочкина, висящего... или, скорее, стоящего прямо в воздухе. У него под ногами словно была невидимая балка.

— А... как это? — удивился Данилюк.

— Мы призраки, молодой человек, — чуть усмехнулся Тряпочкин. — Привыкайте.

Данилюк тоже просунул голову сквозь окно и посмотрел вниз. Похоже, на улице очень холодно. А судя по тому, как качаются внизу деревья, — еще и сильный ветер.

— Я... точно не разобьюсь, если выйду прямо так? — уточнил он. — Глупый вопрос, наверное...

— Вы не умрете во второй раз, не волнуйтесь, — улыбнулся Тряпочкин. — Есть вещи, которые могут причинить вред и призраку, но земное тяготение в их число не входит.

Рассудком Данилюк и сам это прекрасно понимал. Но просто взять и шагнуть с девятого этажа все равно казалось опасным. Он колебался секунд десять, пока наконец не решился.

Ничего страшного не произошло. Вниз он ухнул с той же скоростью, с которой и должен был, но в ушах не свистело, дух не захватывало, «тело» своего положения не меняло. Просто как быстрый лифт. Долетел до земли, впечатался в нее ступнями, остановился.

Даже не успел толком ничего понять.

Спустя несколько секунд Данилюка догнал и Тряпочкин. Он и вовсе спускался медленно, плавно. И остановился не на земле, а в паре ладоней над ней. Потом заметил и поправился.

— Я вот тут подумал... а почему мы не проваливаемся сквозь землю? — полюбопытствовал Данилюк. — Сквозь стены же мы проходим.

— По привычке, — ответил Тряпочкин. — Для нас теперь нет никаких преград, кроме инерции мышления. Вы привыкли, что земля твердая, — вот она для вас и твердая.

— Но... если я все-таки захочу... — просунул в землю руку Данилюк. Та прошла без задержек. — Я ведь могу туда целиком... ну, если вдруг захочу?..

— Если сильно захотите, то сможете погрузиться, но там нет ничего интересного. Поверьте старику, я пробовал. Да и возвращаться потом непросто. Заблудитесь еще.

Время близилось уже к утру, прохожих и машин почти не было. Данилюк и Тряпочкин шагали прямо по мостовой. Данилюк поначалу еще вздрагивал, когда рядом или прямо сквозь них проносился редкий автомобиль, но быстро поправился.

Ему стало любопытно, чем Тряпочкин занимается целыми днями. Бесплатное посещение театров и других представлений — это, конечно, здорово, но все двадцать четыре часа этим не наполнишь. Работать призраку вряд ли нужно. Спать и есть тоже не надо. Неужели просто слоняется по улицам день-деньской?

— Когда как, молодой человек, когда как, — ответил Тряпочкин, когда Данилюк об этом спросил. — На самом деле занятие найти не так уж сложно. Наблюдать за живыми, общаться с другими духами, да или вот хоть телевизор смотреть...

— Телевизор?.. А как вы его включаете-то?

— Молодой человек, ну что вы в самом деле-то? — укоризненно глянул на него Тряпочкин. — Зачем мне его включать? Да войдите в любую высотку, походите по квартирам — быстро сыщете где-нибудь экран с каким-никаким занятным зрелищем. Сего дня вот я, к примеру, наблюдал преинтересную фильму о четырех огромных черепахах, владеющих секретами японской борьбы! Диковинная штука, юноша, до глубины души меня поразила!

— Ага, — только и сказал Данилюк.

Про себя он подумал, что призраку, наверное, нелегко оставаться в струе свежих веяний. Быть может, лет через сто и он сам будет казаться свежим духам старомодным чудачком.

Хотя Данилюку не улыбалось сотню лет бродить невидимкой по городским улицам. Он бы все-таки предпочел посмотреть, куда отправляются все остальные. Тряпочкин говорил, что некоторые просто уходят с задержкой... интересно, долго ли придется ждать ему?

Мимо снова прогрохотал вчерашний призрачный трамвай. На сей раз лишь слегка замедлив ход — Тряпочкин мотнул головой, и вагоновожатый не стал тормозить. В салоне по-прежнему гуляла веселая компания — похоже, та же, что и прошлой ночью.

— Кто это такие? — любопытствовал Данилюк.

— А это, молодой человек, нечто вроде «Летучего голландца»... — рассеянно ответил Тряпочкин. — Слыхали, может? Только на современный лад и местного значения — за пределы Самары не выезжают. Хорошего в них мало, вы от них лучше держитесь подальше...

— А что будет, если я к ним сяду?

— Если очень повезет — просто доедете до своей остановки. Если не очень... тогда присоединитесь к ним. И будете вот так вот ездить, пока... не знаю, закончится ли у них когда-нибудь эта поездка. Они не так несчастны, как голодные духи, но судьба тоже не самая завидная...

Данилюк проводил трамвай задумчивым взглядом. Интересно, сколько он уже так колесит по рельсам? Вряд ли очень долго — вагоны, конечно, старинные, но не конка же все-таки.

— Как здесь вообще живется, в этом... мире призраков? — спросил Данилюк.

— Тень. Мы называем его Тенью. Сносно живется. Есть свои беды, свои неприятности... с голодными духами вы уже успели свести знакомство. Но вообще — не хуже, чем среди живых. Разве что поменьше нас тут. И многие... не в себе. На самом деле даже слишком многие.

Данилюк вспомнил ходящего по кругу призрака, вспомнил плачущую девушку и согласился. Видимо, не всем удастся нормально принять собственную смерть.

— Да, многие сильно переживают, — подтвердил Тряпочкин. — Здесь-то в основном остаются как раз такие — кто так и не смирился. Остальные уходят сразу же или чуть позже.

— Ну я вроде бы смирился... — пробормотал Данилюк.

— О, вот как раз обратите внимание, — перебил Тряпочкин. — Видите, вон там, возле роддома?

Сначала Данилюк не понял даже, на что смотреть. А потом заметил двух призраков — крошечных, похожих на младенцев... вот ведь блин. Данилюк сочувственно вздохнул.

Хотя маленькие духи печальными не выглядели. В отличие от Данилюка, они не ходили по земле, а летали — весело порхали где-то на уровне крыш. Порой проносились сквозь стены,

исчезали и тут же снова появлялись, гоняясь друг за другом в каком-то подобии салок.

— Младенцам проще, — сказал Тряпочкин. — Они еще не знают, что правильно, что нет. Они этого перехода в другое состояние толком и не заметили. Вон тот, справа, кажется, вообще мертворожденный.

— И что с ними теперь будет? — негромко спросил Данилюк.

— Либо в рай через некоторое время унесутся, либо заново родятся, — пожал плечами Тряпочкин. — Вы не переживайте. Я тоже, помню, по первому времени переживал. А потом пообвыкся. И вы пообвыкнетесь. Сейчас в этом плане еще хорошо, детишки богу душу почти и не отдают. А вот в мое-то время тут этих карапузов куда как побольше летало... У меня у самого сыночек меньшей еще в колыбельке преставился, даже окрестить не успели.

— Сочувствую.

— Спасибо, но это уж давно быльем поросло. В мои времена чуть не каждый третий младенчиком на тот свет уходил. Нынешние-то люди счастливы, что такого не знают...

— Счастливы, — согласился Данилюк, задумчиво глядя по сторонам.

Эту улицу он хорошо знал. Ездил сюда пять раз в неделю и иногда по субботам. Здесь, вон в том офисном центре, расположено туристическое агентство «Одиссей Тур», в котором Данилюк проработал почти четыре года. Он сказал об этом Тряпочкину, и тот сразу предложил зайти, посмотреть.

Конечно, в половине пятого утра офисный центр был закрыт и безлюден. Данилюк с Тряпочкиным прошли сквозь двери и бесшумно заскользили по темным коридорам. Данилюк, раньше никого на работу не водивший, с неожиданным для себя удовольствием проводил экскурсию. Рассказывал, что где расположено, делился занятными историями.

— ...Так вот, Порфирий Михалыч, приехал, значит, к нам этот немец — не помню уже, как звали, — увлеченно вспоминал Данилюк. — Ну у нас-то в Самаре иностранные туристы вообще редкость. Они в основном Москвой ограничиваются или Питером. Ну по «Золотому кольцу» еще некоторые ездят. Но иногда, бывает, и к нам кого заносит. И вот едет он в нашем автобусе, с другими экскурсантами. Причем даже без переводчика — по-русски нормально понимал. А я ж понятия не имел, что он немец. Я тогда вообще пацан еще был совсем, только

после универа. Ну я и задвигаю обычную нашу программу — про город рассказываю, про Волгу, про природу нашу самарскую. Это все нормально шло. А вот потом стало интереснее. Мы там бункер Сталина проезжали, радиостанцию бывшую, которая в Великую Отечественную вещала, памятник советским солдатам... ну я про все это и рассказывал. Подробно, в деталях, углы не сглаживал. Про немецких оккупантов, про подвиги наших бойцов...

— Ну так хорошее дело, — кивнул внимательно слушавший Тряпочкин.

— Хорошее. Только вот немец как-то все больше скисал. В конце экскурсии он вообще уже грустный-грустный сидел. Из автобуса выходил такой понурый, как будто я его лично всю дорогу костерил.

Тряпочкин издал короткий смешок. Припомнил, что при нем немцев тоже стали сильно не любить — незадолго до его гибели как раз германская война началась.

Впереди заиграл луч фонарика — по коридору шел сторож. Ему явно было не по себе — он сутулился, что-то чуть слышно бормотал под нос. Поравнявшись с призраками, дернулся, ахнул, едва не уронил фонарик. Но тут же тряхнул головой, выдохнул и побрел дальше.

— Он нас видел, что ли? — не понял Данилюк.

— Может, и увидел что-то, кто ж его знает, — ответил Тряпочкин. — Темно, пусто, страшно. Атмосфера подходящая.

— А при чем тут атмосфера?

— А призрака легче увидеть, если ты к этому уже морально готов. Мне старые духи говорили, что в старину нас чаще видели. Тогда-то люди верили в призраков, готовы были их встретить — вот и получалось иногда. А сейчас совсем редко и только так вот — почудится что-то на секундочку, да тут же и пропадет.

Входя в хорошо знакомый офис «Одиссей Тур», Данилюк слегка промедлил на пороге. Он еще ни разу не бывал здесь ночью. Все выглядело так же, как днем, но... как-то не так.

Данилюк остановился у своего компьютера и уныло на него уставился. Вчера он должен был подготовить одному дядьке документы на визу в Японию. Обидно, подвел человека. Клиент был хороший, уважительный.

Да и кое-что удалить Данилюк не отказался бы и на этом компьютере. Письма кое-какие.

Вот интересно, что теперь будет с его почтовым аккаунтом? Пароль никто другой не знает... хотя у Данилюка он простой, подобрать при желании нетрудно.

Хотя кому это нужно? Он же не директор, не главбух — рядовой агент. Ничего важного у него там не было.

Но все равно жалко, что нельзя подчистить хвосты.

Данилюк даже спросил у Тряпочкина, нет ли какого-нибудь способа это сделать. Вот этот нашумевший полтергейст... это вообще правда? Бывает — или сплетни все?

Тряпочкин сказал, что бывает, но чрезвычайно редко. Призраки же бесплотны. Это не газ и даже не излучение какое-нибудь, а насквозь нематериальная субстанция. Что-то двигать удастся очень немногим, и то при каких-нибудь особых обстоятельствах.

Еще Тряпочкин сказал, что призраки не только дотронуться ни до чего материального не могут, но даже и видеть-то его, строго говоря, не видят. Да и не слышат тоже.

Здесь Данилюк решил, что чего-то недопонял. Как это не видят и не слышат, если он прекрасно все видит и слышит. Да, люди и предметы теперь какие-то размытые, а звуки приглушенные, но... он же их видит! И слышит!

Тряпочкин кивнул и сказал, что все правильно. Просто теперь, когда ты дух, ты видишь уже не мир живых, а ту самую штуку, которую называют Тенью. Других духов видишь. Тех, что тела уже покинули, — четко и ясно. А тех, что еще в телах пребывают, — вот так вот, размыто. Свои духи, оказывается, есть не только у людей и животных, но и вообще у всего, что существует на свете.

И со слухом так же. Духи ощущают не сами колебания воздуха, а их призрачное «эхо».

Ну а сами издавать звуки конечно же они не могут. Даже если призрак ухитрится показаться живым — он все равно останется безмолвным. Суметь заговорить — это уже первая стадия полтергейста, когда призрак может уже хотя бы воздух колебать. Чуть-чуть совсем.

Но и просто стать видимым — задача дьявольски непростая. Некоторым это таки удается, но очень-очень редко и тоже при особых обстоятельствах, в каких-то конкретных местах. И даже тогда их обычно видят не все, а только особо восприимчивые.

— Так, значит, при особых обстоятельствах что-то двигать все-таки можно? — уточнил Данилюк. — А каких именно, например?

— Да тоже в местах специальных, — сказал Тряпочкин. — Или в присутствии людей восприимчивых. Про спиритические сеансы слышали, юноша? Я вот, было дело, захаживал туда.

— Это где тарелку вертят? — припомнил Данилюк.

— Тарелку или еще что-нибудь. Если долго тренироваться, можно научиться ее подталкивать. Чуть-чуть.

— А разве так действительно можно кого-то вызвать? — усомнился Данилюк.

— Э-э-э... теоретически можно. Но если нет настоящего медиума, то сигнал получается очень слабенький, а настоящих медиумов сейчас днем с огнем не сыщешь. Так что обычно слышат только те, кто совсем рядом. Такие вот бродячие духи вроде нас. Ну я и заглядывал на огонек, разводил тары-бары — какое-никакое, а все развлечение. Обычно за Пушкина себя выдавал. Потом за Ленина стал.

— Зачем?

— А вы думаете, кому-то интересен дух коллежского асессора Тряпочкина? Всем подавай Пушкина, Ленина, Наполеона... в восьмидесятых вот Высоцкого часто вызывали...

Данилюк задумчиво покивал, а потом вдруг сообразил:

— Порфирий Михалыч... так это, значит, можно с живыми связаться?!

— Можно. А что?

— А что ж вы молчали?! Можно же...

— Что?

— Ну... сообщить им...

— Что?

— Ну... это... что мы тут...

— И дальше что?

— Ну...

— То-то и оно. Мы тут, а они там. Рано или поздно каждый из них тоже будет тут. А вот мы назад уже не вернемся... да и зачем, собственно? Какая разница — тут или там?

— Тут мне не очень-то нравится.

— А я вот ничего, привык. И вы привыкнете.

Уже светало, когда Данилюк и Тряпочкин вышли из офисного центра. Данилюк решил вернуться в дом родителей, по-

смотреть, как его будут хоронить. Все-таки вряд ли он еще когда такое увидит.

Да и вдруг за ним кто-нибудь все-таки явится... с того света? Конечно, они скорее всего найдут его где угодно... но мало ли как у них там все устроено?

Мимо прошла девушка в легкой шубке. За ней бежала собака... нет, призрак собаки. Черная хаски приветливо гавкнула Данилюку с Тряпочкиным и снова затрусилась за девушкой, едва не тычась в нее мордой.

Та, разумеется, ничего не замечала.

— Ишь, на радугу-то не идет, хозяйку дожидается, — добродушно усмехнулся Тряпочкин. — Таких верных нечасто встретишь. Хорошая девчонка, видать.

— Это долго ждать придется, — заметил Данилюк. — Девушка-то молодая совсем.

— Для духа время не критично. Мы можем ждать очень долго.

ГЛАВА 4

Похороны состоялись в полдень, на Городском кладбище. Собрались родственники, друзья. Мама тихо плакала.

Сам же покойник стоял чуть поодаль и чувствовал странную неловкость. Как будто нечаянно испортил всем настроение. Ему не было печально или тоскливо — лишь легкая грусть, какая бывает на выпускном вечере. Жаль прощаться со школой, а по одноклассникам будешь скучать... но не более того.

Сестра тихо рассказывала матери, что Алеша ей этой ночью приснился. Почти в точности передала сказанные им слова, отчего мама расплакалась еще сильнее.

Бабушка тоже припомнила, что ей снилось нечто похожее, но только сам факт, без подробностей. А брат и отец вообще забыли о его визитах и теперь расспрашивали Надю.

Конечно, никто не воспринял эти сны всерьез. Просто приснился покойный брат/внук — что тут такого? Данилюку и самому снился дедушка, когда того хоронили... блин.

Изо всех сил стараясь вспомнить тот сон десятилетней давности, Данилюк пропустил момент, когда стали закрывать крышку гроба. Мама подошла проститься последней, положила у изголовья любимые темные очки Данилюка — яркими солнечными днями он с ними не расставался.

Данилюк умиленно улыбнулся... и вдруг почувствовал в кармане шевеление. Сунув туда руку, он обнаружил эти самые темные очки. В призрачном виде, понятно.

— Спасибо, мам... — изумленно произнес он, тут же их надевая.

Сейчас они ему требовались как змее перчатки, но все равно было очень приятно.

Гроб опустили в яму и закидали землей. Рядом оставили рюмку водки, несколько конфет в фантиках и маленькую кладбищенскую свечку. Данилюк наклонился и поводит рукой сквозь пламя.

Тепла, конечно, не чувствовалось. И огонек даже не дрогнул. Тряпочкин, если ему верить, научился подталкивать тарелку на спиритических сеансах — значит, это все-таки возможно. Только вот как именно это делается, Данилюк спросить забыл.

Ладно, в следующий раз.

Народ еще немного постоял возле могилы, а потом начал расходиться. Одни по домам, другие погрузились в автобус. Родители арендовали для поминок небольшую столовую в соседнем квартале.

Данилюк на поминки решил не ехать. Не хотелось и дальше травить душу, глядя на горестные лица. Все, кончено, книга жизни закрыта.

Вместо этого он остался сидеть на своей могиле, рассеянно глядя на табличку. «Алексей Валерьевич Данилюк, 14 августа 1986 года — 25 февраля 2015 года». Вот и все, что от него осталось. Кусок земли и деревянный крест с надписью.

Крест... а почему они поставили крест? Данилюк не был крещеным. Он вообще не верил в Бога. Он думал, что после смерти будет... ничего не будет. Просто перестанешь существовать. Как свет выключили.

Выходит, ошибался.

Сидеть на могиле и дальше смысла явно не было. При жизни Данилюк считал похороны бессмысленным ритуалом. Зачем закапывать в землю мертвое тело, а потом еще и украшать его чем-то сверху? Пустой расход времени и сил. На одних гробах сколько можно бы сэкономить!

Теперь, когда он умер... его мнение не изменилось. Да, он каким-то образом знал, чувствовал, что труп там, внизу, но ему от того не было ни жарко ни холодно. Лежит в могиле, ну и пусть лежит. Как старая квартира, из которой съехал.

Данилюк уже собирался уходить, когда заметил что-то боковым зрением. Повернувшись, он увидел у соседней могильной плиты двух жутко странных типов. Они смотрели прямо на него — без особого интереса, но явно его видели.

Первый выглядел как мертвец. Полуразложившийся, в каких-то истлевших обносках, а вместо головы — череп. Из голых костей росли седые волосы и длинная пушистая борода.

Второй был карликом. Едва по колено Данилюку, тоже бородатый, с огромными мохнатыми ушами. Одет он был в какой-то армяк... зипун... Данилюк не разбирался в старинной одежде.

При жизни его первым порывом было бы задать стрекача. Кто не задал бы, увидев подобных типов? Но теперь... теперь он сам такой же. Хотя не совсем такой же, конечно, но в любом случае тоже призрак.

Кем еще могут быть эти двое, если не призраками?

Конечно, они могут оказаться голодными духами. Особенно вот этот, с черепом. Но они вроде мирные, нападать не нападают, характерных зубищ у них нет...

— Алексей Валерьевич, жначит, — прочел надпись на кресте трупобразный призрак. — Ш прибытием. Добро пожаловать на мое кладбище.

— А... спасибо, — неуверенно кивнул Данилюк. — С кем имею честь?

— Демьян Федорович, — представился трупобразный.

— А меня просто Прокопом величай, — сказал карлик.

— Ага. Очень приятно. А... что значит, на ваше кладбище? Вы тут... директор, что ли?

— Не директор он, а Хозяин, — поднял палец Прокоп. — Хозяин Кладбища. Есть такая профессия.

— Ого, — только и сказал Данилюк.

Оказалось, что Хозяин Кладбища — это действительно дух... но не призрак. Все призраки — духи, но не все духи — призраки. И Хозяин Кладбища — это такой особый дух, которым обычно становится самый первый, кто здесь похоронен. Как вот Демьян Федорович — его тут прикопали в конце двадцатых, еще до официального открытия собственно кладбища.

Ну а Прокоп тоже оказался духом — и тоже не призраком. Домовым он оказался.

Данилюк особо даже не удивился, услышав, что домовые, водяные и лешие — тоже не сказка и нормально себе существуют бок о бок с людьми.

— Я тут вообще-то редко бываю, — сказал Прокоп. — Моя высотка-то далеко отсюда, аж на Ташкентской. Это я так, в гости зашел, покалякать о всяком.

— На кладбище?.. В гости?..

— Ну а что? На кладбище тоже наши живут. Тут двор ухоженный, соседи спокойные...

— А ты, жначит, по матушке иж Некрашовых будешь, — задумчиво молвил Хозяин Кладбища. — К родне в могилку, жначит. У меня тут ваших-то уж немало лежит, оно конечно. Так-то мешто-то уж на Городшком кончилоша почти, у меня теперь редко новые поштояльцы. Ошобенно такие, чтобы шами швое тело-то шопровождали. Ну что, Лешка, выпьем жа упокой твоей души-то?

Демьян Федорович деловито цапнул с могильной плиты рюмку водки. Данилюк аж выпучил на это глаза — привык уже, что призраки не могут ни до чего дотрагиваться.

Но Хозяин Кладбища был не призраком. Он преспокойно выжрал водку и закусил конфетками. Было откровенно жутко смотреть, как их перемалывают зубы голого черепа.

— Вообще-то это мне поставили, — слабо запротестовал Данилюк.

— Нет, паренек, шалишь, — хмыкнул Демьян Федорович. — Это мне поштавили. Как Хозяину Кладбища, подношение. Чтоб я, жначит, жа могилой твоей приглядывал, да коштей твоих не ворошил.

— Да ничего подобного! — возмутился Данилюк. — Это покойному!

— Жабыли люди ижначальный-то шмышл подношений. Ты вообще думаешь, кто вшу эту водку выпивает?

— Я думал, бомжи.

— Иногда и они, конечно. Мне-то одному много не надо. Но вообще-то это мое. По жакону. По традициям.

Данилюк смолчал. Честно говоря, он понятия не имел, в чем смысл этой традиции — оставлять покойному водку и конфеты, — но был уверен, что это все-таки предназначено ему. А не какому-то кладбищенскому упырю.

Даже обидно слегка.

— Да ты не рашштраивайша, тебе там тоже ошталось, — махнул рукой Демьян Федорович.

— Что осталось-то? — буркнул Данилюк. — Ты все выпил.

— А дух? Дух-то водки тебе ошталша. Бери да пей.

Данилюк посмотрел на плиту и с удивлением обнаружил на ней все ту же рюмку водки. Только теперь не туманную и расплывчатую, а четкую, ясную. Он недоверчиво взялся за ножку... поднял... опрокинул в рот.

У духа водки был вкус водки.

Точно так же Данилюк съел и призрачные конфеты. «Барбарис», его любимые.

— Ну вот, видал? — насмешливо хмыкнул Хозяин Кладбища. — Ему поштавили, ему поштавили... Шпашибо бы скажал. Ешли б я это не шьел и не выпил, ты бы ничего и не получил.

Данилюк слушал с большим интересом. Ему открывались новые горизонты. Конечно, поесть и выпить — не самое главное в жизни, но все же приятно, что призраку это доступно. А то с одной только жвачкой было бы как-то скучно.

Опьянеть, правда, он с выпитой водки не опьянел... но ее было-то всего пятьдесят грамм. С такой дозы и живой Данилюк не окосел бы, хотя всегда был малопьющим. Он иногда шутил, что пьет только на свадьбах и похоронах... сейчас шутка у же не казалась смешной.

Тут к могиле подошли еще двое. На сей раз не духи — Данилюк видел их затуманенными. И это его сильно удивило, поскольку выглядели новички... жутко.

Реально жутко. Один толстый как бочка, а кожа содрана, похож на картинку из анатомического атласа. А второй... второй вообще ходячий скелет.

— Чего тарацишьца, паренек? — насмешливо глянул Хозяин Кладбища. — Пришлужники это мои, Никишка ш Ираклием.

— А... а они что, живые? — изумленно спросил Данилюк.

— Ага, как же. Мертвые они.

— Зомби?..

— Жомби, жомби... напридумывали шловечек... Упыри они. Их ждешь в одном мештетчке прикопали... давно, когда тут еще кладбища-то даже не было... А мештетчко ошобое, жаколдованное... Ну вот они и выкопалиш... шпущтя время. Да ты их не бойщя, не бойщя, прижраку-то они жла жделать не шмогут... У тебя ж теперь ни мяша, ни потрохов, ни кровищи... — осклабился Демьян Федорович.

— А живому, значит, могут? — напрягся Данилюк.

Ему стало не по себе при мысли, что, пока его родные и близкие стояли у могилы, где-то на этом кладбище бродили

два упыря. Самых настоящих жутких упыря, которых хоть сейчас в фильм ужасов.

— Живому могут, конечно. Как же беж этого.

— Да ты не волнуйся, Демьян Федорыч им не дозволяет, — заверил Данилюка Прокоп. — Никишка с Ираклием упыри мирные, тихие. На моей памяти никого еще не растерзали.

Данилюка это слабо утешило, но сделать он с этим явно ничего не мог. Не в полицию же заявлять.

Два упыря-прислужника явились не с пустыми руками. Собрали с могил другие подношения — еще шесть рюмок водки, два куса черного хлеба, шоколадную конфету, печенье и вареное яйцо.

Прятаться они, похоже, не прятались, хотя солнце стояло высоко. То ли обычные живые люди их тоже не видели, то ли они умело избегали редких кладбищенских посетителей.

Конечно, нормального обеда из собранных по могилам крох не получилось. Но никому из присутствующих по-настоящему есть не требовалось, так что голодным никто не остался.

Трапеза сопровождалась беседой. Никишка и Ираклий говорить, похоже, не умели вовсе, а вот Демьян Федорович и Прокоп чесали языками всюю. Данилюк, с интересом опорожнявший призрачные рюмки, больше слушал — но очень внимательно. Иногда задавал наводящие вопросы.

— А домовых вообще как... много? — спросил он Прокопа.

— Хватает, — степенно ответил тот. — Хотя сейчас уж не так много, как в былые времена. Я вот, к примеру, высотник — целое многоэтажное здание у меня под началом.

— Ого.

— А ты думал! — гордо подбоченился домовый. — Народ все хороший, добрый. А вообще я из господаров...

— Это что такое?

— Народец мой так называется, племя. Нас, домовых-то, много разных. Я на своем веку-то всяких повидал. Земниксов видал, кагырканов, бравунов, лютенов. Заскувараса однажды встречал японческого. Но сам из господаров. Хотя нас немного уж осталось — сейчас если кто домовым становится, так все новыми... не знаю уж, как их и прозвать... да и нечасто уж становятся-то сейчас... Я-то сам с шестого веку еще, к северу от Константинополя проживал...

— В смысле становятся? — перебил Данилюк. — Кто становится?